

Евгений Косенков

Источник памяти

На северо-западной оконечности города друзья, любители сомнительной славы, нашли для себя развлечение, которое явилось для них роковым...

Утро выдалось замечательным, необыкновенным и казалось каким-то загадочным. Елизар впрыгнул в ботинки и помчался к своему другу Лёшке. Планы на сегодня намечались грандиозные. Валька уже мялся у подъезда Лёшки. В ушах неизменный атрибут наушников. Елизар, как обычно, толкнул друга в плечо, иначе он никого не слышал и ничего не замечал, когда рассматривал что-нибудь на экране своего айфона.

Лёшка не заставил себя ждать. Выскочил, как всегда в модной курточке со стоячим воротником, в белых дорогих кроссовках на босу ногу, малиновых джинсах в обтяжку, чуть коротковатых и радостной улыбкой на лице.

– Готовы к подвигам? – бросил он друзьям, и, не дожидаясь ответа, проскочил мимо, доставая из кармана брелок с ключами от спортивного феррари.

Легко впрыгнул на место водителя, высунулся в окно.

– Вы чё спите ещё? Прыгайте! Погнали!

Елизар толкнул Вальку в сторону автомобиля и плюхнулся на пассажирское место рядом с водителем.

– Вы чё как сонные мухи? Гоним в парк?

Елизар согласно кивнул, Валька не услышал, занятый своим айфоном.

– Мне батяня новую тачку обещал подогнать.

– Это, вроде, как не старая, – ответил Елизар.

Лёшка рассмеялся.

– Чувак, ей уже три года, понял? Устарела модель.

– Хорошо тебе, у тебя отец не последний человек в городе, – с завистью проговорил Елизар.

– С батькой тебе не повезло, Зар. Не объявлялся?

– Нет. Мать его всё равно выпнет.

– Вальчик! Твой батя опять в командировку свалили?

– Чего? – вынимая из уха один наушник, переспросил Валька.

– Батька в командировке?

– Вчера свалил.

– Тогда сегодня гуляем, чуваки! Угощаю! Пивка? Или чего покрепче?

– Покрепче потом, если захочется, – ответил Елизар.

По пути заехали в пивнушку, набрали пива в двухлитровых пластиковых бутылках. И через некоторое время они въехали на территорию парка.

– Тут нельзя оставлять машину, – сказал Елизар и осёкся.

– Чувачок! Ты забыл кто мой батяня? Где поставлю, там и будет стоянка. Понял?

– Есть знак...

– Знаки для лохов! А я к таким не отношусь, – в голосе Лёшки было столько превосходства и ехидства, что Елизар предпочёл помолчать.

Прихватив бутылки с пивом, друзья направились к источнику.

– Лёх, может, на склоне сядем. Солнце хорошее.

Они поднялись наверх и расположились на небольшой площадке.

Раскладной столик расположился вполне удачно. Одноразовые стаканчики наполнились до краёв. Валька, наконец-то, вынул один наушник и вполуха слушал друзей, иногда вставляя короткие фразы.

Они вспоминали свои невинные по их соображениям шалости, которые выкладывали в интернет и со смехом читали гневные комментарии пользователей.

В это время Валька, отошедший по-лёгкому, прибежал с выпученными глазами и, глотая слюну, выплюнул слова:

– Там! Череп!

Лёшка и Елизар переглянулись. Встали и пошли за размахивающим руками Валькой.

– Вот, – остановился он через пять метров. – Смотрите.

Из травы, под кустом, наполовину скрытый землёй, выглядывал череп. В пустых глазницах проросли травинки.

– Полицию надо вызывать, – почесав затылок, произнёс Елизар.

– Ага, чтобы нас потом затаскали? – ответил Лёшка.

Валька повесил проводки наушников на уши, айфон сунул в карман штанов и робко стал разглядывать находку.

Лёшка схватил череп за глазницы и вырвал из земли.

– Там ещё чёй-то есть, – заметил острый выступ Валька.

Лёшка бегло осмотрел череп и небрежно бросил в сторону. Ударом ноги расковырял почву и потянул странную штуковину вверх.

– Это каска! – воскликнул Елизар. – Надо же! И как она тут оказалась?

Лёшка покрутил в руках проржавевшую каску и с тем же пренебрежением откинул к черепу.

– Фиг знает. Тут боёв не было. Петрозаводск без боя сдали. Это все знают.

– А мне бабуля говорила, что на подступах к городу много солдат погибло, – проговорил Елизар и чуть в стороне заметил небольшой непонятный предмет, слегка выступающий одним углом на поверхность. – Эт чё?

Лёшка бросил безразличный взгляд в ту сторону. Валька сделал шаг к предмету и наступил на него...

Сбитый с толку и с ног Валька протёр глаза от попавшей в них земли, удивлённо оглянулся по сторонам. Руки дёрнулись к наушникам, но их на месте не оказалось. Звуча не было вообще. Валька, зажимая уши, ошарашено озирался и не верил своим глазам. Земля взлетала вверх, люди в форме красноармейцев стреляли куда-то из винтовок, что-то орали, беззвучно открывая рты.

– Что за фигня? – пробормотал Валька, но себя так и не услышал.

Мысли путались. Он ничего не мог понять. Как вообще здесь очутился на дне какого-то окопа. С удивлением обнаружил на себе такую же форму, как на других красноармейцах. Ещё более ошарашенный, повинувшись непонятным порывам, попытался ударами ладоней по ушам вернуть слух. Не помогло. Над ним склонился парень с красным крестом на рукаве, что-то сказал. Валька, показывая на уши, отрицательно помотал головой.

Парень ловко осмотрел Вальку. Покачал головой. Опять что-то сказал и протянул лежавшую рядом винтовку.

Рука Вальки на подсознательном уровне потянулась к оружию. И только сейчас он заметил на ладони кровь. На

ладони второй руки тоже оказалась кровь. Валька вскрикнул. Это кровь из ушей! Из его ушей!

– Что за фигня? – закричал он что есть силы.

Парень поставил винтовку рядом и, пригнувшись, побежал дальше по траншее.

Валька сидел на одном месте и не мог пошевелиться. В голове полный хаос. Земля трясётся и взмывает время от времени в воздух. Мимо, иногда запинаясь о его ноги, пробегают красноармейцы. Некоторые что-то кричат. Один из них присел рядом, что-то говорил. Валька безумно, заврожено смотрел ему в рот. Боец попытался поднять Вальку, но безвольное тело не собиралось так легко сдаваться. Появился ещё один красноармеец. Они вдвоём попытались его поднять, но тут Валька заорал, чтобы они убрали руки.

Бойцы переглянулись, сплюнули, перехватили свои винтовки и убежали.

Валька очумело бросал взгляды в обе стороны окопа. Никого. Все исчезли. Внезапно сверху, с бруствера, посыпалась земля, и на фоне голубого неба появился странный немец. Валька замер, сердце невольно забилося часто-часто.

Немец что-то произнёс и сделал движение винтовкой вверх. Валька молчал. Он никак не мог сообразить, откуда здесь немцы и чего хочет этот усатый немец в странной каске.

Немец ухмыльнулся и навёл винтовку прямо на Вальку. Чёрное дуло хищно взглянуло в широко раскрытые глаза. Все мысли исчезли. К горлу подкатил комок. Крик замер на выходе.

Дуло сверкнуло, и Валька дёрнулся от пули, пробившей тело в районе сердца. Страшная боль пронзила, но сознание уже гасло, так и не разгадав, что происходило вокруг...

Лёшка очнулся от сильного рывка за шиворот.

– Стреляй! А то сам тебя порешу прямо тут!

В голове гудело... нет, вокруг гудело, ухало, свистело, взрывалось, и бог знает какие ещё звуки наполняли окружающее пространство.

– На ноги вставай!

Щека вспыхнула от внезапной пощёчины.

Лёшка рванулся в сторону и, звякнув каской о деревянную стойку, сел на пятую точку.

«Откуда на мне каска?»

Пальцы, суетливо расстёгивая пряжку, впились в ремешок под подбородком.

– Стреляй, зараза! Финны уже рядом!

Лёшка глянул в страшные холодные, переполненные ненавистью глаза усатого мужика, и ощутил всем телом всю мощь его презрения. На мужике была одета форма Великой Отечественной войны, в петлицах много красных треугольников. Такую картинку он видел на одном из сайтов о войне в интернете. И вот этот выпавший из интернета солдат кричал на Лёшку. Он кричал на Лёшку!

– Ты мужик, ваще охренел? Ты на кого орёшь? Мой батя тебя...

Удар в зубы опрокинул почти поднявшегося во весь рост Лёшку.

Рот наполнился неприятной солоноватой с металлическим привкусом кровью. Лёшка сплюнул и вытер рукавом губы. Он со злостью и ненавистью посмотрел в спину солдата, который отвернулся и стрелял куда-то из винтовки. Захотелось ударить сзади этому противному типу по голове чем-нибудь весомым. Лёшка повертел головой, осматривая окоп, и наткнулся на лежащую недалеко винтовку с примкнутым штыком. Глядя в спину солдата, он на четвереньках подполз к ней, осторожно взял в руки. Тяжёлая. При её помощи поднялся на ноги. В мозгу билась навязчивая мысль: он ответит за оскорбление.

Лёшка уже было замахнулся для удара прикладом по спине, как солдат вздрогнул, выпустил винтовку и, слегка развернувшись, упал ему под ноги. Глаза Лёшки округлились от увиденного. Открытые глаза стали ледяными и бездвижными, во лбу сияла красная точка, а взгляд остановился на нём, на Лёшке, словно укоряя его в чём-то. Винтовка выпала из рук, и рвотные судороги согнули Лёшку ко дну окопа.

– Чё за фигня творится? – пытался сообразить он между рвотными позывами. – Чё за солдаты, стрельба, взрывы. Реконструкция? Этот мне чуть все зубы не выбил. Как я тут оказался? Где моя машина?

Он скинул каску, расстегнул ремень с какой-то амуницией и хотел выглянуть из окопа, но сзади раздался окрик на финском языке. Лёшка немного понимал финский, няня, когда с ним нянчилась, научила немного своему родному языку. Но сейчас он не понял, что ему сказали. Обернувшись, увидел наведённую прямо на него винтовку. Судорожно сглотнул и машинально поднял руки вверх. Финн улыбнулся уголком рта и приказал вылезать.

Лёшка понял сказанное и нервно полез наверх.

Увиденное привело его в ступор. Вокруг лежали убитые солдаты в двух разных формах, дымились воронки, недалеко тархтел огромный танк КВ с большой башней, такие Лёшка видел в учебнике по истории. Усталого вида офицер кивнул конвоиру, и Лёшка получил несильный, но ощутимый удар прикладом в спину. Понял, что надо присоединиться к немногочисленным бойцам, стоящим кучкой возле офицера. Многие из пленных были ранены, некоторые даже не перебинтованы, стояли, зажимая рану рукой.

– Где я? – спросил Лёшка у хмурого красноармейца.

Тот взглянул на него бесцветными глазами и отвернулся.

– Где и все, – буркнул в ответ парень лет двадцати пяти с сочащейся кровью раной на голове. – В плену.

– У кого в плену? – Лёшку давно уже трясло, соображал он туго.

– У финнов.

– Я не хочу в плен, я к батяне хочу! – выкрикнул Лёшка.

Финский офицер повернул голову в его сторону.

– Ты! Иди сюда! – крикнул он по-русски, махнув рукой.

– Иди! Чего застыл? А то сразу пристрелят, – зашептал рядом всё тот же парень.

– Я? Почему я? Я не могу! Я... батяня вам даст реконструкцию! Охренели в конец!

Финский солдат бесцеремонно выдернул Лёшку из толпы пленных и толкнул в сторону офицера. Лёшка пробежал несколько метров и бухнулся на колени перед офицером, который улыбнулся, глядя, как стоит на четвереньках пленный.

– Ты что-то хотел сказать? – смешно выговаривая слова, спросил финн. – Фамилия, часть, звание, должность.

– Лёшка я, моего батяню тут все знают. Чё вам от меня надо? Реконструкторы хреновы. Думаете устроили тут пострелялки, и вам всё с рук сойдёт? Да фиг вам! И ваще кто вам разрешение дал тут войнушку устраивать?

Подошёл ещё один офицер, они перебросились между собой несколькими фразами, кивком головы указывая на Лёшку, продолжавшего стоять на коленях.

– Ты плохой солдат, – сказал первый офицер. – Плохих солдат никто не любит. Расстрелять.

Перед глазами Лёшки отчётливо появилось лицо убитого в траншее бойца с красной точкой во лбу. Холодный пот пробежал по спине наперегонки с мурашками. Кровь отхлынула с лица.

– Как расстрелять? Господин офицер! Меня нельзя убивать! У меня батяня большой начальник! Если вы это сделаете, он вас тоже убьёт! Я молодой ещё! Мне нет восемнадцати! Меня нельзя убивать! Господин офицер!

Слёзы выступили на глазах. Лёшке вдруг стало ясно, что здесь, сейчас, всё происходящее реально. И его расстреляют.

Он бросился в ноги офицеру и обнял их, чуть не свалив того на землю. Выстрел прозвучал со спины. Лёшка так и замер на коленях с протянутыми к ногам финского офицера руками под презрительными взглядами советских военнопленных...

Елизар ощутил странный запах гари, дыма, металла. Вокруг стояла невообразимая канонада. Голова слегка закружилась. Обстановка была далека от той, что была... до взрыва.

– Очухался, боец? Хорошо тебя приложило! Ленту давай! – прокричал воин в красноармейской форме.

– Где взять ленту? – пробормотал Елизар.

– Чего бормочешь? Коробка с лентой у тебя в ногах. Давай сюда, а то финны сейчас голову подымут.

Финны? Голову подымут?

Елизар мотнул головой, нащупал коробку с пулемётной лентой и подал бойцу.

– Помоги зарядить, а то правая рука ранена, почти не работает. Куда ты в полный рост! – он дёрнул Елизара за рукав, заставляя присесть. – Грохнут ведь. Контузило? Видно, браток. Но ничего мы им сейчас покажем.

Елизар не понял, что покажет боец. Он удивлённо, с сильно бьющимся сердцем, осмотрелся.

Окоп почти в человеческий рост. На бруствере пулемёт «Максим», Елизар такой пулемёт видел в музее. Боец в гимнастёрке, рядом брошенная шинель. Погон на них нет. Чуть в стороне от пулемётчика, на дне окопа, лежит парень в те-

логрейке с красным расплывшимся пятном на груди. Елизар остановился на нём взглядом.

– Чего застыл? – спросил боец и проследил взгляд Елизара. – Это Лёшка, мой второй номер. Осколком его, наповал. «Лёшка? Мы были там втроём, а где мои друзья?»

Додумать не дали. Шквал огня обрушился на позиции. Елизар бухнулся на дно окопа, рядом с присевшим у стенки траншеи пулемётчиком. Снаряды и мины рвали, кромсали плоть земли, словно искали что-то, очень нужное только им. Земля вздрагивала при каждом ударе и передавала свою дрожь вжавшимся и припавшим к ней бойцам. Елизар с трудом осмысливал ситуацию. Мысли лихорадочно скакали с одного на другое. То, что идёт война, он уже понял. Но как он оказался здесь? Последние воспоминания выхватывали из памяти торчащий из земли угол какого-то предмета и ногу Вальки, наступившего на этот самый предмет. И взрыв...

Обстрел закончился, и пулемётчик бросился к пулемёту, призывно махая рукой.

Елизар подбежал и помог заправить ленту.

– Тебя как звать?

– Елизар.

– Редкое имя. Меня Петро. Подготовь пока ещё одну ленту. Там, где сидел, цинк с патронами. Надо набить ленту. Будем держаться, пока идёт эвакуация и есть патроны.

– Какая эвакуация? – не понял Елизар, крутя в руках брезентовую ленту для пулемёта.

– Через озеро эвакуируют раненых, жителей города и войска.

– А мы? – спросил Елизар и замер.

– А мы как получится, – усмехнулся Петро. – Наша задача не допустить врага в Петрозаводск пока идёт эвакуация. Ага. Вот и финны.

– Нас же могут убить! – неожиданная мысль пронзила Елизара.

– Не бойсь, Елизар! Погибнуть за Родину – это святое! Потомки твой подвиг никогда не забудут!

Краска залила лицо Елизара, когда после этих слов он вспомнил свои достижения с друзьями. Краска на обелиске, затухающий «вечный огонь», песня гитлерюгенда на фоне мемориала погибших в 1941-1945 годах.

– Какое сегодня число? – мрачно спросил Елизар.

Петро удивлённо посмотрел на него.

– Хорошо приложило, – усмехнулся он, мельком глянув в сторону Елизара. – Первое октября сегодня.

– А год?

– Ну, ты, брат, даёшь! Сорок первый, конечно!

«Сорок первый! Я в прошлом? Бре-е-ед!»

Елизар даже рассыпал патроны, зацепив телогрейкой цинк. Только сейчас он обратил внимание на свою одежду. Телогрейка перепоясана брезентовым ремнём, на ногах ботинки с обмотками, военные бриджи и пилотка...

«Если я в сорок первом, то значит, в своём времени я умер?»

Дыхание перехватило, в горле пересохло.

«Сегодня первое октября. Постой! Первого октября финны вошли в Петрозаводск без боя. А как же мы с Петро тут? Мы же обороняем город...»

В это время застрочил пулемёт, вырывая Елизара из дум. Он лихорадочно начал забивать патроны в ленту.

– Елизар, готовь новую! Лезут, черти, словно тут им мёдом намазано!

Все патроны блестели, видать бывший напарник Петро Лёшка, успел их все протереть от масла. Лента заполнялась долго. Елизар бросил взгляд на ещё одну пулемётную коробку. Открыл. Полная лента. Елизар мысленно поблагодарил

Лёшку. Когда Петро крикнул ленту, Елизар уже находился рядом с пулемётом.

Сколько времени шёл бой, Елизар понять не мог. Для него вообще время растворилось. Вроде и ясно, где он находится, и в тоже время непонятно, как такое может быть. Очередная смена ленты. Неповинующиеся пальцы с трудом вталкивают патроны в ячейки ленты. Вскрик. Елизар поднял взгляд на Петро, а тот заваливался назад с окровавленным лицом.

Ступор. Недобитая до конца лента падает на дно окопа. Елизар с ужасом смотрит на убитого.

«Как? Мы с ним только что разговаривали! А теперь его нет!»

Елизар, который только сейчас ощутил животный страх от происходящего действия, преодолевая сам себя, выглянул за бруствер. Тёмные фигурки с оружием бежали прямо на него. Первая мысль – убежать. Он оглянулся в тыл и застыл. За спиной горел и дымил полуразрушенный город. Его родной Петрозаводск. Откуда только взялась эта решимость, сила, которая заставила Елизара взяться за ручки пулемёта. Он прицелился, как мог, и дал длинную очередь по выросшим перед окопами фигурам вражеских солдат. Пули рвали тела, опрокидывали их. Запах крови и смерти стоял в носу. Последние патроны пулемёт стал выплёвывать. Елизар в попытках самостоятельно поменять ленту не преуспел. Не получалось. Оглянувшись, увидел винтовку, схватил, но воспользоваться ей не успел. В окоп, прямо под ноги, упали, одна за другой, несколько гранат на длинных ручках...

Глаза открылись от ощущения света. Яркое солнце заливало комнату. Елизар обвёл взглядом небольшую больничную палату, а то, что это была больничная палата, он ни секунды не колебался. Пахло лекарствами. Постепенно Елизар начал

соображать. Забинтованное тело отозвалось болью на попытку двинуть рукой.

«Я в больнице. Или в госпитале? Ранен. Палата современная. Вон пластик, такого в сорок первом быть не могло. Я дома. Я дома!»

Из глаз потекли слёзы.

– Сыночек! Очнулся! Милый мой! – запричитала рядом мама.

– Мама! – хотел крикнуть Елизар, а получился только шёпот. – Мамочка!

Добрые, знакомые руки вытерли слёзы. Елизар смотрел на постаревшее лицо мамы, и ему хотелось обнять её, приласкать. Говорить о том, как он её любит, но комок в горле предательски закупорил голосовые связки.

Следующий раз он очнулся от негромкого разговора рядом с кроватью.

– Ему повезло, Юлия Васильевна, очень повезло. От Валентина Иванникова не осталось практически ничего. Алексею Брынцалову снесло голову. Елизара, конечно, тоже напичкало осколками так, что будь здоров, но он жив и обязательно поправится. Там ведь несколько мин было сложено. Может, что-то готовили к подрыву, а может, складировали. Кто теперь разберёт.

Мужчина помолчал.

– Эхо войны долетело до нас. Не всех, видно, тогда смерть прибрала, раз протянула свои руки в наше время.

– Как же так получилось, что у известного источника оказались мины?

– Каждый год земля отдаёт нам припрятанные подарки. Сейчас вот таким способом, – мужчина глубоко вздохнул. – Пойду я, Юлия Васильевна. И вам надо бы отдохнуть. Самое страшное позади. Теперь всё будет хорошо.

«Валька, Лёшка...эхо войны...»

Елизар вспомнил их лица, а заодно их «невинные шалости».

«А может, они тоже оказались там, в сорок первом? Но почему они не вернулись, как я? Или это только я оказался там? Или это просто плод моей фантазии?»

Через пару лет, в феврале 2019 года на одном из военных сайтов, он обнаружил упоминание о защите города Петрозаводска от фашистов. Елизар, не понимая для чего, прочитал имена погибших в районе города, а затем пропавших без вести. Когда глаза выхватили знакомое имя, он вздрогнул.

«Валентин Александрович Иванников, красноармеец, уроженец города Петрозаводска, пропал без вести 1 октября 1941 года в боях в окрестностях Петрозаводска».

– Значит, Лёшку тоже надо искать тут.

С удвоенной энергией и нетерпением он пробежал фамилии, и...

«Елизар Аркадьевич Самойлов, красноармеец, уроженец города Петрозаводска, пропал без вести 1 октября 1941 года в боях в окрестностях Петрозаводска».

Пот струился со лба, словно дома было слишком жарко.

Имени Лёшки не было.

Будущий историк Елизар Самойлов взялся методично, по крупицам, восстанавливать историю обороны родного города, сотрудничая с местным поисковым отрядом «Хранители».

Елизар нашёл то место, откуда он увидел полуразрушенный город. Район Древлянки. Где-то здесь погиб Валька...и Петро...и он сам...

Здесь Елизар понял, что он единственный живой источник памяти обороны города...